

Н. А. Михалев, С. А. Пьянков
**БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ
 ИМПЕРИИ: ЧИСЛЕННОСТЬ, РАЗМЕЩЕНИЕ, СОСТАВ**

УДК 94 (470) «1914/1918»:314045

ББК 633 (2)534-68+

Статья посвящена статистическому измерению истории беженства Первой мировой войны в Российской империи. Военные действия стали причиной добровольного бегства, а также послужили поводом для принудительных выселений сотен тысяч жителей прифронтовых территорий. В статье систематизированы данные об общей численности беженского населения, собранные Татьянинским комитетом, Земским и Городским союзами — ведущими общественными организациями помощи беженцам в годы войны. Рассмотрены основные подходы к определению общей численности беженцев, представленные в работах отечественных и зарубежных исследователей. Сделан вывод о том, что имеющаяся в распоряжении историков общенациональная статистика неизбежно носит оценочный характер и позволяет представить лишь примерные масштабы беженства, которое могло затронуть от 5 до 15 млн чел. Особое внимание уделено качественному анализу беженских потоков: выявлены основные направления их движения, национальный состав и половозрастные характеристики их вынужденных участников.

Ключевые слова: *Первая мировая война, миграции, беженцы, статистика*

«Великая огромная волна катится. Она становится бесконечным лагерем у местечек и городов, ночью сверкает длинными огненными цепями костров по бокам дороги, днем заполняет шоссе густой, плотной массой, и, чтобы представить себе приблизительно численность этой толпы, надо проехать по этим лагерям. Теперь главная волна беженцев, по отзывам всех причастных к этому, схлынула. Теперь идут остатки — уже десятые двенадцатые валы... Извилистой сетью улиц и переулков убегает вдаль этот странный город из телег, кое-как слаженных шалашей, кое-как выцарапанных в мерзлой уже земле землянок. Станный табор странного времени, вернувшегося к первобытным кочевым временам, когда люди не знали оседлости, мирных занятий мирного времени, уюта и тепла постоянного очага... Сколько здесь... людей?... Нельзя сказать даже примерно...», — именно так один из современников осенью 1915 г. описывал беспрецедентные перемещения граж-

данского населения Российской империи в условиях Первой мировой войны.¹

Хлынувшая из фронтовых и прифронтовых районов в 1915 г. волна беженцев не была однородной: она включала различные категории мигрантов. В конце 1914 — начале 1915 гг. прологом массового движения мирного населения стало принудительное выселение из прифронтовой полосы представителей отдельных этнических групп по обвинениям в политической нелояльности и в ведении шпионажа, коснувшееся прежде всего немецких колонистов и евреев.² Другими участниками этого миграционного потока стали семьи служащих гражданских и тыловых военных учреждений, эвакуировавшихся на восток, а также жители территорий, принудительно «очищаемых» от населения при отступлении русских войск, прибегнувших к тактике «выжженной земли». Еще одной составляющей массового беженства стало добровольное бегство населения

¹ Мужель В. Осень 1915 года (из записной книжки) // Жизнь беженцев. 1916. 30 окт. № 9. С. 4.

² См. об этом подробнее: Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. Vol. 60. № 3. P. 404–419; Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 196–199; Иоффе Г. З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–97; Нелипович С. Г. Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...». Депортации в России, 1914–1918 гг. // Воен.-ист. журн. 1997. № 1. С. 42–53; Первая мировая война // Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке. М., 2013. С. 415–417; и др.

Михалев Николай Анатольевич — к.и.н., ученый секретарь, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: n.mikhalev@mail.ru

Пьянков Степан Александрович — к.и.н., н.с. сектора экономической истории, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: kliostefan@mail.ru

приграничных губерний, не желавшего оставаться на линии фронта или на оккупированных территориях. Этому, в частности, способствовали активно циркулировавшие слухи «о необычайных зверствах и насилиях, чинимых немцами».³

Работа по организации и координации эвакуации беженцев из районов боевых действий и с близлежащих территорий была возложена на главноуполномоченных по устройству беженцев Северо-Западного и Юго-Западного фронтов (на эту должность в июле 1915 г. были назначены С. И. Зубчанинов и Н. П. Урусов соответственно).⁴ Практически одновременно с назначением фронтовых уполномоченных в ответ на многочисленные обращения представителей действующих армий и гражданской администрации пограничных губерний к делу неотложной помощи беженцам подключились Всероссийские Земский и Городской союзы, приступившие к организации сети питательных и изоляционных пунктов, к устройству «заразных» бараков в ближайших к фронту районах, к отправке проводников для сопровождения крупных групп беженцев и т. д.⁵

Массовое прибытие беженцев во внутренние губернии страны началось в июле–августе 1915 г. и в целом завершилось к концу года.⁶ Согласно посуточным данным, полученным с 54 регистрационных пунктов, организованных в Европейской России местными комитетами Земского и Городского союзов, наибольшая интенсивность беженского движения была зафиксирована в сентябре (с середины которого объединенный Отдел по устройству беженцев союзов начал получать соответствующие сведения) и в октябре. За эти полтора месяца через пункты прошло почти 5,7 млн чел., или в среднем по 148,9 тыс. в день в сентябре и 111,8 тыс. — в октябре. При этом, максималь-

ный поток беженцев пришелся на последнюю декаду сентября и первую половину октября, когда нагрузка на регистрационные пункты превышала 1 млн чел. Со второй половины октября интенсивность движения беженцев ослабевает (до 78,5 тыс. чел. в день), с ноября — резко падает (до 8,6 тыс. чел. в день), еще более снижаясь в декабре (1,7 тыс. чел. в день).⁷

Собранные местными комитетами союзов сведения об «оседании» беженцев в тыловых регионах наглядно иллюстрируют процесс постепенного продвижения беженского потока в глубь страны. Как свидетельствуют данные табл. 1, мигранты при сохранении и увеличении своего значительного присутствия в губерниях Европейской России и Урала с конца 1915 г. начинают обосновываться в Сибири, Средней Азии, а также на Кавказе.

Несмотря на то что усилия, предпринятые Земским и Городским союзами, являлись по существу первой попыткой проведения регистрации беженцев в общеимперском масштабе, собранные ими данные проблему определения общей численности и состава беженского населения в полной мере не решают. Учет беженцев осуществлялся союзами на основе получаемых с мест общих «телеграфных» сведений, а также более детальных данных, которые должны были представляться по специально разработанной форме — «Ведомости об осевших беженцах» — три раза в месяц (10-го, 20-го и 30-го числа) по городам и уездам в отдельности.⁸ Однако в силу разных причин эти ведомости поступали в союзный Отдел по устройству беженцев «крайне слабо» и были «далеко не полны». Так, например, к 1 ноября 1915 г. Отдел получил ведомости из 33 губерний и 10 городов Кавказа и Сибири, но они были высланы «лишь незначительной частью городов и уездов, входящих в состав этих губерний». Нередки были случаи, когда из губерний имелось лишь 1–2 ответа. Только по 4 губерниям — Владимирской, Калужской, Саратовской и Ярославской — ведомости были представлены не менее чем из половины относившихся к ним городов и уездов. При этом

³ Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). Харьков, 1916. С. 14, 15; Тяжелые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 32, 33.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 2-е делопроизводство. 1915 г. Д. 328. Л. 80–81. В сентябре 1915 г. территория страны была разделена на 12 районов, куда были также назначены главноуполномоченные по устройству беженцев внутри империи. См.: Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 2. М., 1916. С. 2–5.

⁵ См. об этом подробнее: Очерк деятельности Всероссийского союза городов. 1914–1915 г. М., 1916. С. 127–144; Russian local government during the war and the Union of zemstvos. New Haven; London, 1930. P. 159–177; и др.

⁶ См.: Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопр. истории. 1999. № 8. С. 104.

⁷ Подсчитано по: Отчет о деятельности Отдела по устройству беженцев Всероссийского Земского и Городского союзов. Б. м., б. г. С. 24, 25.

⁸ См.: Официальные распоряжения и циркуляры Главного комитета // Известия Главного комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 24. С. 10.

Таблица 1

Динамика численности беженцев
в тыловых регионах Российской империи в 1915–1916 гг.,
по данным Отдела по устройству беженцев Всероссийских Земского и Городского союзов, чел.*

Регион	1915 г.			1916 г.					
	1.X	1.XI	1.XII	1.I	1.II	1.IV	1.V	1.VI	1.VII
Европейская Россия	766 283	1 792 191	1 948 575	2 005 781	2 069 983	2 388 456	2 412 843	2 419 244	2 446 931
Урал	75 228	137 947	151 533	157 862	119 251	176 176	181 102	183 427	184 795
Сибирь	нет свед.	нет свед.	7 000	8 700	8 700	76 506	77 451	77 451	76 949
Средняя Азия	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	107 587	109 964	96 865	93 518
Кавказ	6 000	8 317	8 453	8 942	9 239	21 368	21 431	23 758	23 758
Всего:	847 511	1 938 455	2 115 561	2 181 285	2 207 173	2 770 093	2 802 791	2 800 745	2 825 951

*Составлено и подсчитано по: Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу октября 1915 г. // Известия Главного комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 25. С. 40; Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу ноября 1915 года // Там же. 1915. № 28. С. 76; Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу декабря 1915 года // Там же. 1916. № 30, 31. С. 158; Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу января 1916 года // Там же. 1916. № 33. С. 101; Ведомость о числе беженцев, осевших во внутренних губерниях Европейской России к началу февраля 1916 года // Там же. 1916. № 37–38. С. 151; Ведомость о числе беженцев, осевших по губерниям и областям Европейской России, Средней Азии и Северного Кавказа к 1 мая 1916 года // Там же. 1916. № 40. С. 114, 115; Ведомость о числе беженцев, осевших по губерниям и областям Европейской России, Сибири, Средней Азии и Северного Кавказа к 1 июня 1916 года // Там же. 1916. № 41, 42. С. 121, 122; Ведомость о числе беженцев, осевших по губерниям и областям Европейской России, Средней Азии и Северного Кавказа к 1 июля 1916 года // Там же. 1916. № 45, 46. С. 127, 128.

«далеко не все» подали сведения в соответствии с требуемой формой.⁹

Для обсуждения возможных способов устранения недостатков в функционировании системы регистрации и розыска беженцев 24–25 ноября 1915 г. в Москве при союзном Отделе по устройству беженцев состоялось специальное совещание, участие в котором приняли представители губернских и городских комитетов союзов, а также целого ряда национальных организаций помощи беженцам. Совещание высказалось за проведение «повсеместной регистрации беженцев», необходимым условием успешности которой должно было стать «объединение во всероссийских земском и городском союзах всех организаций, как центральных, так и местных, ведающих дело помощи беженцам, а также образование губернских регистрационных бюро при содействии местных земских и городских статистических организаций». Для получения корректных результатов перепись беженцев следовало производить по «однородной программе», которая была утверждена совещанием.¹⁰

⁹ См.: Из деятельности Отдела по устройству беженцев Земского и Городского союзов // Известия Главного комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 28. С. 75, 76.

¹⁰ См.: Совещание по вопросам отчетности, регистрации осевших и розыска отставших беженцев, состоявшееся 24–25 ноября в Москве при Отделе по устройству беженцев

Однако стремление Земского и Городского союзов взять на себя объединяющие и координирующие функции в вопросе регистрации беженцев на общенациональном уровне было незамедлительно пресечено центральной властью. На очередном заседании Особого совещания по устройству беженцев при МВД 26 ноября 1915 г. единогласно было принято решение о том, что в деле регистрации беженцев должен быть только один центральный орган, а именно функционировавшее при Татьянинском комитете¹¹ Центральное всероссийское бюро по регистрации беженцев. Одновременно совещание категорически высказалось против параллельной регистрации беженцев, производимой структурами Земского и Городского союзов.

Всероссийских Земского и Городского союзов // Известия Главного комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 29. С. 100–117.

¹¹ Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий (Татьянинский Комитет) — крупнейшая российская благотворительная организация по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. Создан в сентябре 1914 г. Председателем стал член Государственного совета, действительный статский советник А. Б. Нейдгард; членами комитета являлись известные в России государственные и общественные деятели. Комитет пользовался правительственной поддержкой и широкими государственными субсидиями. Имел региональные отделения по всей стране. Ликвидирован в 1917 г. См. подробнее: Очерк деятельности Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий со дня его основания по 1 января 1916 года. Пг., 1915; и др.

Таблица 2

Динамика численности беженцев в тыловых регионах Российской империи в 1916–1917 гг.,
по данным Татъянинского комитета, чел.*

Регион	1916 г.			1917 г.
	1.V	1.VI	15.XII	1.II
Европейская Россия	2 547 544	2 745 175	2 670 873	2 735 588
Урал	151 000	179 750	188 349	178 145
Кавказ и Закавказье	185 893	180 825	174 294	180 621
Сибирь	78 531	77 895	68 664	64 249
Средняя Азия	111 918	70 656	34 947	41 898
Всего	3 074 886	3 254 301	3 137 127	3 200 501

*Составлено и подсчитано по: Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 1. С. 11; Там же. 1916. № 4. С. 10; Там же. 1917. № 17. С. 12, 13; Там же. 1917. № 19. С. 7, 10.

Спустя три дня, 29 ноября, данное решение Особого совещания было утверждено министром внутренних дел и циркуляром № 2052 разослано губернаторам. Специальным письмом министра внутренних дел от 30 ноября 1915 г. о решении Особого совещания был проинформирован и главноуполномоченный Земского союза князь Г. Е. Львов, который должен был сделать «зависящие распоряжения» для прекращения всех самостоятельных «опытов» по регистрации беженцев, начатых союзами «особоленно» от Татъянинского комитета.¹² Последовавшие за этим попытки представителей союзов добиться пересмотра этого постановления Особого совещания успеха не имели. Повторно включенный 6 января 1916 г. в повестку его заседания вопрос о регистрации беженцев снова оказался «единодушно решен в том смысле, что центральным всероссийским органом, ведущим регистрацию беженцев, признавался Татъянинский комитет; прочим учреждениям и организациям предоставлялось вести регистрационные работы лишь в согласии с Татъянинским комитетом».¹³

Запланированная союзами всероссийская перепись беженцев была проведена в первой половине 1916 г., хотя и при непосредственном участии земских и городских организаций, но уже под эгидой Татъянинского комитета. Он же занимался и разработкой переписного материала.¹⁴ Кроме того, на основе поступавших из местных отделений данных

Комитетом готовились и регулярно публиковались общеимперские статистические сводки, которые являются отправной точкой для оценки численности беженского населения России в годы войны.

Одна из первых попыток определения общего числа беженцев в империи была предпринята Комитетом еще в конце 1915 г. Она показала, что по состоянию на 20 декабря 1915 г. в губерниях Европейской России находилось 2 706,3 тыс. беженцев.¹⁵ Некоторое время спустя, после получения сведений о беженцах из Турции и Персии, оказавшихся на территории Кавказского наместничества, эти данные были скорректированы.¹⁶ Всего, по подсчетам Комитета, в конце 1915 — начале 1916 гг. общее количество беженцев в России должно было составлять 2 943,8 тыс. чел. К 1 февраля 1917 г. их численность в абсолютном выражении увеличилась на 256,7 тыс., составив 3 200,5 тыс. чел. (табл. 2).

Несмотря на то что статистическая информация, собранная усилиями Татъянинского комитета, была более полной по сравнению со сводными данными, полученными Земским и Городским союзами, она также учитывала далеко не всех беженцев. На то, что реальная численность беженцев в России превышала приведенные цифры, указывал и сам Комитет и некоторые современники.¹⁷ После революций 1917 г. вопрос об определении числа беженцев,

¹² Сообщение министра внутренних дел на имя Главноуполномоченного Всероссийского Земского союза кн. Г. Е. Львова о прекращении предпринятой союзами регистрации беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 29. С. 99, 100.

¹³ Щепкин М. М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого Совещания. М., 1916. С. 44, 45.

¹⁴ См.: Отчет о деятельности Особого отдела Татъянинского комитета в 1916 г. Пг., 1916. С. 26–30.

¹⁵ См.: Отчет о деятельности Особого отдела Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. Пг., 1916. С. 47.

¹⁶ См.: Несколько цифровых данных о беженцах на Кавказе // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 10. С. 18–21.

¹⁷ См.: Деятельность Особого отдела Комитета ее императорского высочества // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 18. С. 9; Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1917. С. 111; и др.

порожденных пертурбациями военных лет, был актуализирован в связи с деятельностью созданной в конце 1920 г. при Наркомате здравоохранения РСФСР Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. Согласно представленной в Комиссию докладной записке профессора Устинова, заведующего статистическим отделом НКВД, куда были переданы архивы Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, на хранении в отделе находилось «не менее 2 1/2 миллионов» беженских карточек. После предварительного ознакомления с «беженским архивом» количество беженских карточек было определено уже как «более 3 1/2 миллионов». Но даже и этот показатель, сопоставимый с данными Татьянинского комитета, отнюдь не отражал «действительных размеров беженской массы». По заключению автора записки, беженская картотека охватывала «данные приблизительно о 5 миллионах беженцев», так как «карточки, из которых она (картотека) состоит, заключают в себе сведения о членах семьи».¹⁸

М. М. Гран, возглавлявший Комиссию Наркомздрава, критично отнесся к выводам Устинова, оценив принятую профессором при расчетах среднюю численность беженской семьи в 2 человека как «явно преуменьшенную». Согласно имевшимся в распоряжении Комиссии материалам переписи еврейских беженцев, осуществленной Еврейским комитетом помощи жертвам войны в 1916 г. в Полтавской, Нижегородской, Саратовской и Екатеринославской губерниях, средний размер беженской семьи определялся в 4 человека. Из осторожности снижая этот показатель «для всей массы беженцев» до 3 человек и принимая количество зарегистрированных беженских семей в 3 млн, М. М. Гран приходит к общей численности беженцев примерно в 9 млн чел. Эта цифра, правда, также не являлась окончательной. Далее М. М. Гран указывает на то, что «регистрация беженцев в процессе ее осуществления обычно захватывала лишь “иждивенцев”, т. е. беженцев, в той или иной мере пользовавшихся правительственной или общественной помощью; более состоятельная часть беженцев в период войны в значительной мере ускользала от регистрации». Так, например, согласно данным переписи еврейских беженцев, которыми пользовалась Комиссия, такие «иждивенцы»

составляли всего 55 % всех беженцев. Кроме того, произведенная регистрация беженцев отличалась «крайней неполнотой» еще и в связи с тем, что она не затронула 40-верстную прифронтовую полосу, так как «формально в ней беженцам быть не полагалось, а в то же время эта прифронтовая полоса была наиболее густо населена беженцами, причем в этой именно полосе на долю их выпадали наиболее тяжкие страдания, лишения; здесь они большими массами болели и умирали, скрываясь в лесах, лишь бы быть поближе к своим разоренным насиженным очагам и гнездам». Учитывая эти обстоятельства, М. М. Гран заключает, что «беженство периода войны 1914–1917 гг. охватило массу населения, по меньшей мере, в 10, если не в 15 миллионов...»¹⁹

Общая критика данных Татьянинского комитета была поддержана и известным советским демографом Е. З. Волковым. Вслед за М. М. Граном, он отмечает, что отказ «мало-мальски обеспеченных групп населения», имевших возможность самостоятельно найти «занятия и кров» во внутренних губерниях, от помощи «патронирующих организаций» и, следовательно, от регистрации в числе беженцев, стал одной из главных причин неточности текущего учета беженцев и их всероссийской переписи 1916 г. Запрет военных властей на проведение последней в прифронтовой полосе, по данным Татьянинского комитета, на которые ссылается Е. З. Волков, оставил «за пределами учета от 500 до 600 тыс. беженцев». Наконец, «чрезвычайная подвижность беженской массы» являлась еще одним обстоятельством, препятствовавшим адекватному учету беженцев.²⁰

По расчетам Е. З. Волкова, основанным на результатах разработки Татьянинским комитетом материалов всероссийской переписи беженцев, «на вторую половину 1916 г. должно было бы находиться в пределах страны до 3 969,2 тыс. беженцев-иждивенцев». Сюда им были включены 600 тыс. беженцев, находившихся в не охваченной переписью прифронтовой полосе, а также 121,5 тыс. беженцев, числившихся на пайковом снабжении патронирующих организаций, регистрационные карточки на которых в Комитет к концу 1916 г. так и не поступили. Этих 121,5 тыс. беженцев Е. З. Волков относит на «счет погибших от

¹⁸ Гран М. М. Опыт изучения санитарных последствий войны 1914–1917 гг. в России // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. Т. 1. М., 1923. С. 37.

¹⁹ Там же. С. 37, 38.

²⁰ См.: Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 69, 70.

Таблица 3

Динамика численности беженцев в России
в 1916–1917 гг., по данным Е. З. Волкова, тыс. чел.*

Дата	Общая численность	Прирост между датами
1 января 1916 г.	2 897,1	950,6
1 июля 1916 г.	3 847,7	1 407,8
1 января 1917 г.	5 255,5	1 135,2
1 июля 1917 г.	6 390,7	—

*Составлено по: Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 72.

болезней и голода» и соответственно снижает полученную им вначале общую численность беженцев до 3 847,7 тыс. чел. В 1917 г. общее количество беженцев продолжает увеличиваться, особенно после прорыва западных и кавказского фронтов летом этого года. На 1 января 1917 г. общее число беженцев, согласно подсчетам Е. З. Волкова, возросло до 5 255,5 тыс. чел., а на 1 июля 1917 г. — до 6 390,7 тыс. чел. (табл. 3).

Помимо этого, исследователь считает необходимым включить в число беженцев высленцев из западных областей России, «по преимуществу принадлежавших к жителям городских местностей, прибывавших во внутренние губернии бывшей империи и расселившихся также преимущественно по городам без того, чтобы официально регистрироваться в патронировавших беженское население организациях». Долю этой категории беженцев Е. З. Волков принимает в 17,8% от «патронированного беженства» (без беженцев прифронтовой полосы), исходя из определенного Татьянинским комитетом количества беженцев-горожан в общей массе «беженцев-иждивенцев» (без беженцев, находившихся в прифронтовой зоне). Применяя этот коэффициент к промежуточным итогам своих расчетов, а также используя собственные коэффициенты интенсивности результатов военных действий за 1914 и 1915 гг., Е. З. Волков получает погодную динамику численности беженцев за весь период войны (табл. 4). Итоговую общую численность беженцев к концу войны 7 421,4 тыс. чел. ученый-демограф, ссылаясь на более ранние расчеты М. М. Грана, склонен считать скорее «преуменьшенной, чем преувеличенной».²¹

Поскольку в советской историографии проблема российского беженства периода

Таблица 4

Динамика численности беженцев в России
в 1914–1918 гг., по данным Е. З. Волкова, тыс. чел.*

Погодная динамика прибытия		Аккумулятивные итоги по годам	
Год (на 1 января)	Ежегодный прирост	Год	Общая численность
1914	—	1914	892,6
1915	892,6	1915	3 306,0
1916	2 413,4	1916	6 084,2
1917	2 778,2	1917	7 421,4
1918	1 337,2		

*Составлено по: Волков Е. З. Указ. соч. С. 75.

Первой мировой войны специально не рассматривалась, то и вопрос об общей численности беженцев после выхода в 1930 г. работы Е. З. Волкова также не попадал в фокус специального внимания советских историков. При этом его данные неоднократно приводились в ряде работ советских историков-демографов.²²

Один из первых современных отечественных исследователей, обратившихся к проблеме российского беженства Первой мировой войны, А. Н. Курцев поставил корректность рассчитанных Е. З. Волковым показателей под сомнение, охарактеризовав сведения об итоговой численности беженцев (7,4 млн на лето 1917 г.) как завышенные. Опираясь на официальные статистические данные периода войны, А. Н. Курцев фактически солидаризуется с мнением участников Пироговского съезда врачей 1916 г. и полагает, что к концу 1917 г. общая численность «перемещенных граждан в период Первой мировой войны в России» достигала 5 млн чел. По его мнению, эта цифра охватывает не только учтенные «жертвы войны», но и «незарегистрированных людей», мужчин-беженцев, мобилизованных в армию, новых беженцев 1917 г.²³

Другой современный исследователь, английский историк Питер Гетрелл, также не считает методику расчетов Е. З. Волкова полностью удовлетворительной. Он отмечает, что отнесение почти 900 тыс. чел. на вторую половину 1914 г. «не может быть оправданно, учитывая то, что известно о воздействии военных действий на гражданское население». К тому же, пишет П. Гетрелл, Е. З. Волков, по-види-

²² Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 100; Брук А. С., Кабузан В. М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М., 1991. С. 92, 93.

²³ Курцев А. Н. Указ. соч. С. 98, 108.

²¹ Там же. С. 71, 72.

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БЕЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПО РЕГИОНАМ ПРИБЫТИЯ И ВЫБЫТИЯ ПО СОСТОЯНИЮ НА НАЧАЛО 1917 г., чел.*

Регион выбытия	Регионы прибытия					
	Европейская Россия	Урал	Кавказ и Закавказье	Сибирь	Средняя Азия	Всего
Царство Польское**	538 423	45 182	4 154	8 727	9 392	605 878
Северо-Западный край***	1 133 948	112 852	8 784	49 135	15 728	1 320 447
Юго-Западный край****	486 916	25 943	8 063	8 749	12 895	542 566
Бессарабская губерния	2 201	285	18	10	36	2 550
Прибалтийские губернии*****	372 228	6 603	684	2 677	243	382 435
Кавказ и Закавказье	732	0	20 111	0	0	20 843
Турция	703	0	126 254	0	0	126 957
Галиция	90 318	1 127	939	88	2 630	95 102
Персия	652	0	2 801	0	0	3 453
Сербия и Черногория	139	0	0	0	0	139
Прочие	2 634	146	17	51	4	2 852
Неизвестно	13 562	832	374	80	74	14 922
Всего:	2 642 456	192 970	172 199	69 517	41 002	3 118 144

* Составлено и подсчитано по: Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 19 (15 апр.). С. 8, 9.

** В Царство Польское, или «Привислинский край», входило 10 губерний — Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сулвакская, Холмская.

*** В состав Северо-Западного края входило 6 губерний — Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская.

**** В состав Юго-Западного края входило 3 губернии — Волынская, Подольская, Киевская.

***** К Прибалтийским или «Остзейским» губерниям относились Курляндская, Лифляндская, Эстляндская.

тому, преуменьшил размеры беженского перемещения в течение 1915 г. и преувеличил его масштабы в 1916 г. Спорным, по Гетреллу, является и предположение демографа о том, что за первое полугодие 1917 г. число перемещенных лиц выросло более чем на 1,25 млн чел. Тем не менее, в отличие от А. Н. Курцева, П. Гетрелл принимает общий результат на июль 1917 г., к которому пришел Е. З. Волков (т. е. 7 421,4 тыс. чел.), как вполне «обоснованный приблизительный показатель», сопоставимый с данными других источников.²⁴

Если при определении общей численности беженцев имеется возможность обращения к различным источникам информации, то выявление качественных особенностей миграционных потоков в России военного времени возможно, главным образом, лишь на осно-

ве материалов, собранных и разработанных Татьянинским комитетом.

Наиболее полно Комитетом были представлены сведения, касавшиеся распределения беженцев по регионам их прежнего и нового местожительства (табл. 5). Согласно этим данным, по состоянию на 1 февраля 1917 г. самое большое число беженцев покинуло Северо-Западный край — более 1,3 млн чел., или 42,3 % от общего количества беженцев. Следующими по масштабу «исхода» местного населения регионами были Царство Польское, Юго-Западный край и Прибалтийские губернии, в совокупности лишившиеся более 1,5 млн чел., которые составили 19,4 %, 17,4 и 12,3 % от общей численности беженцев соответственно. Нужно отметить, что, спасаясь от военных действий, убежище на российской территории нашли подданные и ряда иностранных государств. Так, значительную часть беженцев на Кавказе и в Закавказье составляли выходцы из Турции (126,3 тыс. чел.) и Персии (2,8 тыс. чел.), из Галиции в Россию прибыло 95,1 тыс. беженцев. Основным регионом, принявшим беженцев, стала Европейская

²⁴ Gatrell P. *Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I*. Bloomington; Indianapolis, 1999. P. 213. Подробнее о концепции российского беженства, предложенной П. Гетреллом, см.: Суржикова Н. В., Михалев Н. А., Пьянков С. А. Российское беженство 1914–1922 гг. в контекстах новейшей отечественной и зарубежной историографий // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. Вып. 3 (20). С. 140–152.

Таблица 6

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ БЕЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПО СОСТОЯНИЮ НА 1 ФЕВРАЛЯ 1917 Г., чел.*

Национальность	Регионы прибытия					
	Европейская Россия	Урал	Кавказ и Закавказье	Сибирь	Средняя Азия	Всего
Русские	1 469 548	143 997	18 302	41 451	20 395	1 693 693
Поляки	463 435	11 886	2 755	4 305	978	483 359
Литовцы	73 640	2 467	189	1 170	447	77 913
Латыши	270 972	4 588	519	1 543	166	277 788
Евреи	182 218	6 713	361	1 492	44	190 828
Немцы	94 898	20 274	543	1 851	15 704	133 270
Армяне	1 091	3	122 778	0	0	123 872
Эстонцы	3 117	19	0	12	3	3 151
Прочие	12 403	576	3 945	79	1 116	18 119
Не указавшие	66 408	2 260	22 866	17 714	2 131	111 379
Всего	2 637 730	192 783	172 258	69 617	40 984	3 113 372

* Составлено по: Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 18 (15 фев.). С. 10, 11.

Россия, где было сосредоточено около 85 % всех вынужденных мигрантов. Хотя отдельные группы беженцев добрались до Сахалина²⁵ и даже Харбина,²⁶ их переселение в более восточные районы страны в силу разных причин (слабой транспортной инфраструктуры, нежелания самих беженцев уезжать в «глубинные» районы и т. д.) осуществлялось в меньших масштабах. Так, на территории Урала разместилось 6,2 % всех беженцев, на Кавказе — 5,5, в Сибири — 2,2, в Средней Азии — 1,3 %.

Современники не без оснований называли беженство «национальной миграцией», указывая на то, что с мест «сняты» и «изгнаны» «целые народности».²⁷ Хотя более половины (54,4 %) беженского населения составляли русские, к которым относили также украинцев и белоруссов, другая его часть представляла собой «разноплеменную пестроту»²⁸ (табл. 6). Наиболее крупными по численности этническими группами (после русских) являлись поляки (15,5 % всех беженцев), латыши (8,9 %), евреи (6,1 %), немцы (4,3 %), армяне (4,0 %).

²⁵ См.: Движение беженцев за Урал // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 11. С. 8; Югобеженец. 1916. 20 июля. С. 1.

²⁶ См.: Беженец. 1916. 6 декабря. С. 14.

²⁷ Кнох А. With the Russian Army, 1914–1917. Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attache. London, 1921. P. 322; Государственная дума, четвертый созыв, сессия четвертая: Стенографические отчеты. Пг., 1915–1916. Стб. 808, 809.

²⁸ Цит. по: Gatrell P. Op. cit. P. 141.

С демографической точки зрения эта «национальная» миграция привела к тому, что, по словам П. Гетрелла, «некоторые провинциальные “русские” города были превращены во многоязычные “интернациональные” центры, в прибежище для людей, зачастую не принадлежавших к православной вере и пытавшихся развивать нерусские культуры».²⁹ Для размещения в глубинных тыловых районах были отправлены прежде всего так называемые «выселенцы» — жертвы принудительных выселений и депортаций. Например, на Урале оказалось 15,2 % всех немецких беженцев и 3,5 % — всех еврейских.

Наиболее значительные последствия беженство в этом отношении имело именно для еврейского населения империи. Война «решительным образом освободила российское еврейство», заставив царское правительство признать свою неспособность сохранять прежнюю черту оседлости.³⁰ В августе 1915 г. МВД в силу чрезвычайных обстоятельств военного времени разрешило проживание евреев в городских поселениях вне черты оседлости, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении Военного министерства и Министерства императорского двора.³¹ В результате данного

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. P. 145.

³¹ Запрет на проживание евреев сохранялся в Москве, Петрограде, областях Донского, Кубанского и Терского казачьих

шага 2/5 всех еврейских беженцев разместились в тех районах Российской империи, которые до этого момента были закрыты для них, а «жители провинциальных российских городов, едва ли ранее вообще видевшие евреев, сейчас жили бок о бок с еврейскими беженцами».³²

В наименьшей степени Татьянинским комитетом были разработаны материалы о половозрастном составе беженцев: по состоянию на 1 января 1917 г. эти данные есть лишь о 1282,2 тыс. чел. Согласно этим сведениям, удельный вес младших возрастов (до 14 лет) в возрастной структуре беженского населения составил 36,6%; на группу «17–55 лет» приходилось 44,8%; доля старших возрастных групп (55 лет и старше) составляла 8%.³³ Такая конфигурация возрастной структуры являлась наиболее типичной, но отнюдь не универсальной, имея свои региональные вариации. Перепись беженцев, прошедшая в Петрограде 29 февраля 1916 г., показала, что доля беженцев трудоспособного возраста (17–55 лет) здесь была заметно больше (60,3%), чем в целом по России, а удельный вес беженцев в возрасте до 14 лет — заметно меньше (24,7%). Данное обстоятельство объяснялось значительной емкостью столичного рынка труда, привлекавшего «работоспособный элемент беженцев».³⁴

Половая структура беженского населения отличалась очевидными диспропорциями. Примерно равное соотношение полов в младших и подростковых возрастных группах сменялось преобладанием женщин во всех более старших возрастах. Наибольший дисбаланс наблюдался в группе «17–55 лет», где доля мужчин составляла всего 38,6%, а женщин — 61,4% (табл. 7). По этой причине во всех регионах именно в этом возрастном интервале фиксировались максимальные диспропорции в соотношении полов — от 60 мужчин на 100 женщин в губерниях Европейской России и Урала до 83–84 мужчин на 100 женщин на территории Кавказа.³⁵

Участие России в Первой мировой войне было сопряжено с массовыми миграциями на-

войск, в сельской местности и на курортах, где отдыхала царская семья. См.: Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с 1 июля 1914 по 1 января 1916 года, вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916. С. 73.

³² Gatrell P. Op. cit. P. 146.

³³ См.: Распределение беженцев по возрастным группам // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 17. С. 13.

³⁴ Перепись беженцев в Петрограде. Пг., 1916. С. 17, 18.

³⁵ Подсчитано по: Распределение беженцев по возрастным группам. С. 14, 15.

Таблица 7

Половозрастной состав беженского населения
Российской империи
по состоянию на 1 января 1917 г., %*

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
0–7	50,6	49,4
7–14	50,8	49,2
14–17	50,7	49,3
17–55	38,6	61,4
55 и более	48,2	51,8
не указан	47,2	52,8
Всего:	45,0	55,0

*Составлено по: Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 17 (1 фев.). С. 13.

селения. Военные действия стали причиной добровольного бегства, а также послужили поводом для принудительных выселений сотен тысяч жителей прифронтовых территорий. Движение беженского населения приняло столь значительные размеры, что почти официально уподоблялось «второму великому переселению народов».³⁶ Используемые для его описания метафоры («волна», «наводнение», «лавина», «саранча» и т. д.)³⁷ подчеркивали не только его внезапность и интенсивность, — они также недвусмысленно отражали отсутствие действенного контроля над этими миграционными потоками. Поэтому имеющаяся в распоряжении исследователей общенациональная статистика неизбежно носит оценочный характер и позволяет очертить лишь примерные масштабы беженства, которое могло затронуть от 5 до 15 млн чел., превратившись в один из факторов нарастающего социально-экономического и политического кризиса в стране.

³⁶ Тяжелые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.). С. 37.

³⁷ Цит. по: Gatrell P. Op. cit. P. 200.

Nikolay A. Mikhalev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *n.mikhalev@mail.ru*

Stepan A. Pyankov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *kliostefan@mail.ru*

WORLD WAR I REFUGEES IN THE RUSSIAN EMPIRE:
NUMBER, PLACEMENT, COMPOSITION

The subject of the article is the statistical dimension of the refugees history of the World War I period in the Russian Empire. Military actions caused both voluntary escape and forced relocation of hundreds of thousands of people from the front-line territories. The article systematized the data about the general number of refugees collected by the Tatianinsky Committee, the Zemsky and the City Councils — the leading non-government refugees support organizations of that time. The author studied most commonly used approaches towards the estimates of the total refugees number in Russian and foreign literature on the subject. A conclusion was made that the available for historic research national statistics was inevitably based on rough estimates and could give only very tentative ideas of the scale of the refugees phenomenon which could have affected from 5 to 15 million people. Particular attention was paid to qualitative analysis of the refuge flows: main directions of their movement, ethnic composition and age and gender characteristics of the refugees were analyzed.

Keywords: *World War I, migrations, refugees, statistics*

REFERENCES

- Bruk A. S., Kabuzan V. M. *Migratsionnye protsessy v Rossii i SSSR* [Migratory processes in Russia and the USSR]. no. 1. Moscow: INION AN SSSR Publ., 1991. 128 p. (in Russ.).
- Gatrell P. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I*. Bloomington: Indianapolis, 1999. 317 p. (in English).
- Gran M. M. *Opyt izucheniya sanitarnykh posledstviy voyny 1914–1917 gg. v Rossii* [Experience of studying of sanitary consequences of war of 1914–1917 in Russia]. *Trudy komissii po obsledovaniyu sanitarnykh posledstviy voyny* — Works of the commission on inspection of sanitary consequences of war. Vol. 1, Moscow, 1923, pp. 9–46. (in Russ.).
- Ioffe G. Z. *Vyselenie evreev iz prifrontovoy polosy v 1915 g.* [Eviction of Jews from a front strip in 1915]. *Voprosy istorii*, 2001, no. 9, pp. 85–97. (in Russ.).
- Knox A. *With the Russian Army, 1914–1917. Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attache*. London: Hutchinson Publ., 1921. 368 p. (in English).
- Kurtsev A. N. *Bezhentsy Pervoy mirovoy voyny v Rossii (1914–1917)* [Refugees of World War I in Russia (1914–1917)]. *Voprosy istorii*, 1999, no 8, pp. 98–113. (in Russ.).
- Lohr E. *The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I*. *Russian Review*. Vol. 60, no 3 (Jul., 2001). pp. 404–419. (in English).
- Nelipovich S. G. *General ot infanterii N. N. Yanushkevich: «Nemetskuyu pakost uvolit, i bez nezhnostey...»*. *Deportatsii v Rossii, 1914–1918 gg.* [General from an infanteriya N. N. Yanushkevich: “The German dirty trick to dismiss, and without tenderesses...”. Deportations in Russia, 1914–1918]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, 1997, no 1, pp. 42–53. (in Russ.).
- Pervaya mirovaya voyna* [World War I]. *Entsiklopediya izgnaniy: Deportatsiya, prinuditelnoe vyselenie i etnicheskaya chistka v Yevrope v XX veke* — Encyclopedia of exiles: Deportation, compulsory eviction and ethnic cleaning in Europe in the XX century. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 415–417. (in Russ.).
- Polyakov Yu. A. *Sovetskaya strana posle okonchaniya Grazhdanskoy voyny: territoriya i naselenie* [The Soviet country after the end of Civil war: territory and population]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 270 p. (in Russ.).
- Prokopovich S. N. *Voyna i narodnoe khozyaystvo* [War and national economy]. Moscow: Delo Publ., 1917. 214 p. (in Russ.).

Russian local government during the war and the Union of zemstvos, by T. J. Polner; in collaboration with V. A. Obolensky, S. P. Turin; with introduction by Prince George R. Lvov. New Haven: Yale University Press; London: Yale University Press, Humphrey Milford, Oxford University Press Publ., 1930. 317 p. (in English).

Surzhikova N. V., Mikhalev N. A., Pyankov S. A. *Rossiyskoe bezhenstvo 1914–1922 gg. v kontekstakh noveyshey otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii* [The Russian refugedeom of 1914–1922 in contexts of the latest domestic and foreign historiographies]. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya, 2012, no. 3(20), pp. 140–152. (in Russ.).

Tyazhelye dni (sekretnye zasedaniya Soveta ministrov 16 iyulya — 2 sentyabrya 1915 g.) [Unlucky days (confidential meetings of Council of ministers on July 16 — on September 2, 1915)]. Sost. A. N. Yakhontov. Arkhiv russkoy revolyutsii — Archive of the Russian revolution, vol. 18. Berlin: Slovo Publ., 1926, pp. 5–137. (in Russ.).

Vert N. *Terror i besporyadok. Stalinizm kak sistema* [Terror and disorder. Stalinism as system]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 444 p. (in Russ.).

Volkov Ye. Z. *Dinamika narodonaseleniya SSSR za vosemdesyat let* [Dynamics of the population of the USSR in eighty years]. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo Publ., 1930. 273 p. (in Russ.).